

Слава Гершович: «Нет, я не Рихтер, я другой...» | Slava Guerchovitch : « Non, je ne suis pas un Richter, je suis un autre... »

Автор: Надежда Сикорская, [Гштаад](#) , 17.01.2024.

Пианист Слава Гершович Photo © Nashagazeta

27 января молодой пианист впервые выступит на международном фестивале

«Музыкальные вершины» в Гштааде. Самое время познакомиться с ним поближе и приобрести билет на концерт.

|

Le 27 janvier ce jeune pianiste participera pour la première fois au festival international « Sommets musicaux de Gstaad ». C'est donc le moment à faire sa connaissance et à acheter des places pour son concert.

Slava Guerchovitch : « Non, je ne suis pas un Richter, je suis un autre... »

Несколько недель назад, представляя [программу](#) предстоящего музыкального фестиваля, мы обратили ваше внимание на Славу Гершовича, в свои неполные 24 года отличившегося уже на нескольких международных конкурсах, включая первые премии Конкурса имени Скрябина в Париже и Международного фортепианного конкурса в Эпинале. Во всех источниках Славу представляют как французского пианиста, и родился он, действительно, в Монако, вот только имя с фамилией, а также безупречный русский язык выдают «наше» происхождение. О музыке, о школе, о сбывшихся и пока еще не сбывшихся мечтах мы поговорили со Славой незадолго до его приезда в Гштаад.

Слава, Вам повезло родиться в Монако в 1999 году, когда наш общий старый мир был уже разрушен до основания, а новый активно создавался. Причем родиться в стопроцентно музыкальной семье. Правильно ли я понимаю, что вариантов с выбором профессии не было?

(смеется) Вариантов, действительно, не было, но был такой забавный момент: мои родители очень обрадовались, когда года в полтора я начал дирижировать перед телевизором, размахивая палочкой из китайского ресторана. Папа даже заснял меня на видео, и видно, как дрожит камера, потому что умирает от смеха. И было от чего: еще лысый, в пижаме, я клал на пол подушку, заменявшую подиум, и иногда даже совпадал ритмически. Но при этом родители и волновались, ведь уже был мой старший брат, серьезно занимавшийся скрипкой – ему нужно было уделять внимание, возить по мастер-классам, конкурсам и так далее, потому что Монако – это хорошо, но великих педагогов там нет.

Но по стопам брата Вы решили не идти...

Верно, хотя сначала мне тоже предложили скрипку, а первым педагогом – любящим и терпеливым – был брат. Но скрипка мне не понравилась: странная позиция правой руки, куда нажимать – непонятно... В какой-то момент я даже подумывал стать адвокатом – к большой радости родителей. Но это прошло. Зато с раннего детства я обожал нажимать на кнопки, любые: вы не представляете себе, сколько эскалаторов я остановил! Потом кнопки заменили клавиши – в доме был электронный инструмент. Лет в 5-6 попросил папу показать основы – просто стыдно было совсем не знать. А потом пошло.

Как получилось, что Ваши родители из Беларуси оказались в Монако?

Это был вариант тяжелой эмиграции. Папа работал в Московском Камерном оркестре Рудольфа Баршая, с которым выехал на гастроли. К тому моменту он был уже женат, уже был мой брат. Гастроли заканчивались в Испании, оркестр ехал туда на автобусе... На дворе был август 1991 года. Узнав о путче, папа принял решение не

возвращаться... Пришлось начинать с нуля: без денег, без языка. Помогли друзья. Со временем родители и язык освоили, и работу нашли, и навсегда сохранили благодарность к принявшей их стране. Хотя были и неприятные моменты, ведь не надо забывать, что Лазурный берег – вотчина ультраправого политического крыла. Как-то мама зашла в булочную и попросила «**un** baguette » вместо « **une** baguette », ведь по-русски батон мужского рода. Продавец сделал вид, что не понял. Были проблемы и с оформлением документов. Но прошло и это. Я горжусь своими родителями, они молодцы. Папа сейчас играет в Оркестре Монте-Карло, а мама преподает в музыкальной академии.

Обычно все выходцы из СССР вообще, а тем более представители русской музыкальной школы ищут для своих детей русских педагогов по музыке. У Вас было иначе...

Это правда. Может, так вышло, поскольку поначалу родители не думали, что музыка станет моей профессией – до тех пор, пока один знакомый пианист, услышав мою совсем детскую игру, не сказал, что «не надо оставлять маленького». Сначала, в Монако, со мной занимался Майкл де Жарден, прекрасный человек, ставший близким другом. Дальше меня отдали Лили Дорфман, по сути – ассистентке известного американского пианиста Даниэля Поллака, в свою очередь учившегося у Розины Левиной, профессора Вана Клиберна. Вот такая невероятная цепочка. Лили Дорфман, выпускница Гнесинского института по классу Арнольда Каплана, ученика Александра Голденвейзера, в течение двух недель ставила мне пальцы – один за другим, и пыталась объяснить вещи, которые я не понимал: я хотел играть громко! Я очень благодарен также Вячеславу Попругину, многолетнему партнеру по сцене великой Натальи Гутман. Я специально ездил в Москву с ним заниматься.

А выступали когда-нибудь в Москве?

Да, один раз: в 2019 году, на фестивале «Пятницы в Пушкинском», в Музее имени Пушкина.

В настоящее время Ваш педагог – Рена Шерешевская, которую за глаза называют «кузницей лауреатов». Такая репутация особенно укрепилась после того, как она «воспитала» Люка Дебарга и Александра Канторова, ставших лауреатами конкурса имени П. И. Чайковского в Москве, а Канторов – вообще первым французом в истории конкурса, одержавшим на нём победу. Скажете несколько слов о своем педагоге?

С удовольствием. То, что она великий педагог, многие уже знают. Но она и потрясающий человек. Кто-то говорит о ней гадости, рассказывают, что она чуть ли не бьет своих студентов, что она ведьма... Пусть это останется на их совести, их устами говорит зависть. А факты говорят другое: оказаться в чужой стране с труднопроизносимой для французов фамилией и добиться того, чего добилась она, – это надо суметь! Как у любого человека, у нее есть недостатки, о которых она прекрасно знает, но всегда старается сделать, как лучше.

Возможно, профессор Шерешевская готовила бы к конкурсу и Вас, но сейчас, увы, конкурс Чайковского исключен из Международной федерации конкурсов. Вам обидно, что не получится в нем участвовать в обозримом будущем?

Обидно. Ведь конкурс Чайковского – не просто еще одно «мероприятие», это веха в истории мировой музыки, начиная с самого первого выпуска, на котором победил Ван Клиберн, наперекор политике и во славу Музыке. А сколько еще связано с этим конкурсом великих имен! Конечно, я все понимаю про сегодняшнюю геополитическую ситуацию и про то, почему этот конкурс считают орудием российской пропаганды, но все равно обидно.

Многие музыканты относятся к конкурсам скептически, полагая, что они нивелируют общий уровень, что все сводится к технике, а индивидуальность остается за бортом. Говорят также о коррупции, о практической невозможности пробиться человеку «со стороны». Это так?

К сожалению, в этом есть значительная доля правды. Ты можешь сыграть как Рихтер или Горовиц и не иметь шансов на успех. И тем не менее я активно участвую в конкурсах – это хороший опыт, хорошее дополнение к резюме...

Я знаю, что в Швейцарии Вы дважды выступали на фестивале в Сент-Урсане. А что Вы знаете о фестивале «Музыкальные вершины», который Вам еще предстоит покорить?

Знаю, что его отличительная черта – своеобразное соревнование молодых музыкантов определенной специальности, которые должны выучить и исполнить заказанное фестивалем произведение современного композитора. В 2024 году будет очередь фортепиано.

Совершенно верно. А конкурсное произведение – это «День и ночь» франко-швейцарского композитора Кароля Беффа. Была ли у Вас уже возможность с ним ознакомиться?

На момент нашего с Вами разговора [а дело было во второй половине ноября – Н.С.] я его только-только получил. На первый взгляд произведение интересное – оно написано понятным музыкальным языком. Но чтобы окончательно разобраться, надо выучить. Надо понимать, что способность выучить за короткий срок новое произведение – это тоже показатель общей профессиональной подготовки пианиста, его уважения к композитору. Так что обязательное произведение как общий знаменатель для сравнения – это нормально и правильно.

Как Вы вообще относитесь к современной музыке?

С пониманием. Не надо забывать, что во все эпохи была хорошая и плохая «современная» музыка, просто плохую время отсеяло, а хорошую сохранило. Вот я, например, считаю гением французского пианиста-виртуоза и композитора Шарля Валентена Алькана – а кто его сейчас вообще помнит, помимо профессионалов?

Есть ли у Вас профессиональная мечта?

(Задумывается.) Сложный вопрос. Я мечтал раньше... Мечтал быть таким как Рихтер, живой бог моих родителей, а мой – уже не живой. Со временем эта мечта прошла: я понял, что я – не Рихтер, и что надо быть самим собой. То, что делал он, я вряд ли смогу сделать, но вдруг смогу сделать что-то, что не сделал он?! Не думайте, что я наглец – наоборот, я страшно в себе не уверен...

... что сближает Вас с Рихтером. Помните его последнее интервью?

Конечно! И помню, как был потрясен, когда прочитал книгу Бруно Монсенжона о Рихтере, ведь он говорит ужасную вещь – что он себя не любит. Я читал и рыдал. А потом понял – я ведь тоже себя не люблю, терпеть себя не могу и каждый раз, выходя со сцены, проклиная себя, думаю, что мог бы сыграть лучше...

На мой взгляд, у Вас есть все задатки для того, чтобы не стать, как Рихтер, но прославиться, как Слава Гершович, чего я Вам искренно желаю.

От редакции: Напоминаем, что Слава Гершович выступит в часовне Гштаада 27 января в 16 ч. Билеты на его концерт проще всего заказать [здесь](#).

[музыкальные фестивали швейцарии](#)

[Русская музыкальная школа](#)

[афиша швейцарии](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/slava-gershovich-net-ya-ne-rihter-y-a-drugoy>